

Узнают ли в России Нуреева без «макияжа»

В жизни многих людей происходят события, которые потом можно назвать невероятными, посчитать невозможными и расценить как блеф или аферу. Однако то, что рассказал Юрий Матвеевич Рюнтю, чья жизнь неожиданно перепелась с судьбой Рудольфа Нуреева, Фредди Меркьюри, Элтона Джона и многих-многих звезд мировой величины, относится именно к таким, выходящим за рамки обычного повортата судьбы. И после встречи с ним это чувство не оставляет в покое, потому что все действительно выглядит не очень обычно.

Юрий Матвеевич много лет назад уехал из России, живет с женой и детьми в Австралии, занимается молекулярной биологией, опубликовал более 150 научных работ. Однако в редакцию нашей газеты он пришел, чтобы показать главы из своей книги «Без макияжа», которая написана по 49 письмам Нуреева к самым разным людям и личным встречам автора с одним из самых знаменитых танцоров двадцатого века. Эта книга уже вышла в Австралии, а сейчас ведутся переговоры об издании перевода (выполненного, кстати, тоже Юрием Рюнтю) в России.

— Как к вам попали письма Рудольфа Нуреева?

— Это очень странная и длинная история.

Большую часть жизни я не помню, ни о писательстве, ни о Нурееве, занимался исключительно наукой. Но жизнь распорядилась иначе. Несколько лет я ходил смотреть на закат солнца. У нас в Австралии пруды, как у нас в Павловске... Года три я сидел на одной и той же скамейке с совершенно незнакомым человеком, который, вероятно, тоже приходил посмотреть на закат. Это в лучших англосаксонских традициях: сидеть молча и не разговаривать. Кроме того, этот человек был намного старше меня... А познакомились мы лишь в 83-м году.

В это время моей дочери исполнилось шесть лет, и я написал для нее сказку. Свое первое литературное произведение я отослал в Канаду, где книга была издана, а затем выдержала несколько переизданий. И вот я получил авторский экземпляр своей сказки и сразу побежал на любимую скамейку: хотелось посмотреть книгу одному. Я даже дочери ничего не сказал. Только я открыл сказку, мой сосед заговорил:

— Дай почитать.

— Не дам, — ответил я. — Поскольку сам еще не читал.

— А ты что так волнуешься — автор, что ли?

— Да, автор.

— Тогда тем более дай почитать.

Там я остался без книги, практически на нее не взглянув. Мой новый знакомый исчез, даже не сказав, как его зовут. На следующий день я был на том же месте на час раньше обычного срока и думал, а вдруг не придет? Однако этот человек появился, похвалил книгу, и я тут же начал читать.

— А ты знаешь, кто тебя хвалит?

— спросил он.

— Кто?

— Меня зовут Патрик.

Я никак не отреагировал. Тогда он представился еще раз:

— Патрик Уайт, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Потом еще несколько лет мы продолжали вместе смотреть на закат, общались, он даже учил меня писать. Мы занимались каждую

неделю. Это был королевский подарок, ведь занятия были бесплатными, в то время как выучить язык — роскошь. Ведь все стоит денег.

Я продолжал заниматься и наукой, работал в фармацевтических фирмах, которые разрабатывали лекарства от СПИДа... В 1990 году Патрик позвонил мне и попросил срочно прийти. Он сказал, что чувствует себя очень плохо: «Я умираю. Я очень устал. Я сделал все, что хотел, написал все, что задумал. Больше не могу. Приходи, у меня есть для тебя подарок».

Когда я пришел к Патрику Уайту, он сказал, что оставил мне 49 писем Рудольфа Нуреева к разным людям: к нему, к Фредди Меркьюри, к Элтону Джону, Джорджу Оруэллу и другим. Письма эти самый именитый писатель Австралии принес мне на следующий день в носовом платке и посоветовал держать их в банке, так как каждое стоит от 10 до 50 тысяч долларов.

Остальные письма и рукописи он передал в Национальную библиотеку, где есть специальный фонд единственного в Австралии Нобелевского лауреата по литературе. Эти же считал необходимым передать русскому. И попросил меня по этим письмам написать книгу.

Вскоре Патрик Уайт умер, а письма продолжали лежать у меня на полке. Ни в какой сейф я их не положил, да и вообще отнесся к ним не так, как они того заслуживали. Однако после смерти Патрика я позвонил в Нью-Йорк Рудольфу Нурееву, чтобы сказать о случившемся и о судьбе писем.

— И каким же был этот разговор? — Знаете, что я услышал в первую очередь? Жуткую брань. Единственное, что можно привести из сказанного: «КБ! Воончее...». Я повесил трубку и не стал слушать. Через несколько минут перезвонил и начал говорить по-английски. Нуреев выслушал меня и сказал: «Извини. Я просто такой человек... Ты знаешь, что я татарин и самый богатый человек в мире после Чингисхана. Ну вот такой я. Давай забудем об этом...»

— Но вы все-таки встретились с ним...

— Да. Когда Нуреев, уже после смерти Патрика, получил письмо, в котором сказано, что письма у меня, Нуреев перезвонил мне и пригласил в гости. Я приехал в Нью-Йорк. У Нуреева я познакомился с Элтоном Джоном, Фредди Меркьюри. Я увидел коллекцию Рембрандта, рисунки Леонардо да Винчи... Тогда же я показал ему один из фрагментов будущей книги, мы подробно говорили, о чем будет эта книга. Возможно, о том, что не животные инстинкты правят человеком, а нечто совсем иное. Ведь что написано в письмах: «Я встретил такого-то, я с ним переспал, я оставил ему свой телефон...». Письмо закончено. А как передать то, что чувствует человек, словами выразить ощущение отчужденности и одиночества? Кстати, когда Руди прочитал одну из глав, он сказал: «Я никогда не думал, что эти чувства можно передать словами».

Работу над этой книгой я закончил после смерти Рудольфа Нуреева, и она была напечатана. Потом очень долго делал перевод на русский, довольно много времени провел здесь и надеюсь, что книга выйдет и в России. Сейчас два московских издательства: «Прогресс» и АПН готовы ее печатать.

— Юрий Матвеевич, эта книга написана на английском и рассчитана на определенную аудиторию. Какая она, на ваш взгляд?

— Когда я писал, я об этом не думал. Но потом мы со специалистами по маркетингу задавались этим вопросом. С одной стороны, в ней идет речь о Меркьюри, чьим поклонником не так уж много лет.

— Да, а мне всегда казалось, что у нас Меркьюри слушают совсем не тинейджеры...

— Возможно, в России и так. Однако, согласитесь, у Нуреева совершенно другая аудитория. Есть здесь глаза и о Джордже Оруэлле, что, вероятно, привлечет людей, интересующихся британской культурой. С другой стороны, один из героев книги — Патрик Уайт, наш самый именитый писатель. Заучит в книге и «голубая тема», очень популярная сегодня в России. Я, правда, пока не понимаю, почему она столь популярна, но это факт.

— А на Западе сейчас очень популярна тема борьбы со СПИДом. Это не вызвало никаких проблем или протестов в ходе издания?

— На этот вопрос могу вам ответить как ученый. СПИД — не современное изобретение. Дело в том, что вирусы, как кристаллы, растут с определенной скоростью. И исследования, проведенные с помощью самой совершенной техники, показали, что СПИД появился ни много ни мало как в 1911—1914 годах. И болезнь эта не сексуальной природы. Медицина выпустила длинную избушку. Массовые переливания крови привели к тому, что люди чудовищно заражены. Нужно быть сумасшедшим, чтобы сказать, что 50 миллионов зараженных — «голубые».

— Однако скандальная слава этой книге, да и ее автору в России все равно обеспечены. Отчасти потому, что скандальная слава в той или иной степени сопровождала практически всю жизнь большую часть героев книги, отчасти из-за того, что «голубая тема» в нашей стране действительно неотделима от скандала.

Правда, и сам автор, возможно невольно, провоцирует скандал. В разных российских средствах массовой информации фигурируют различные издательства, в которых «выходит книга», да и материал уже используется для пропаганды тех или иных политических взглядов. Достаточно сказать, что одно из первых сообщений о книге появилось в газете «Завтра», которая так интерпретировала взгляды автора книги и, заодно, Рудольфа Нуреева [сначала Юрий Рюнтю предложил свое произведение издательству «Палей». Позже он от этой идеи отказался]: «Парадоксально, но факт. Руди Нуреев уважал гомосексуалистов за то, что они так возвысили балет «Лебединое озеро», самый любимый его балет». В беседе с корреспондентом «Смены» Юрий Матвеевич сказал: «Они так написали... Бог им судья...».

Кроме того, кого-то ждет разочарование: ведь о книге нет непосредственно писем. В ней лишь то, что «увидел» автор за их страницами, личная интерпретация событий [да еще и в переводе]. Как говорит Юрий Матвеевич, это «немумифицированная тень Рудольфа Нуреева».

Правда, до скандала еще далеко. И прогноз будет оправданным, если книга в России действительно выйдет. А пока мы предлагаем вам главу из книги Юрия Рюнтю «Без макияжа», предоставленную автором специально для публикации в газете «Смена».

Беседовала
Алиса ЛИСИЦЫНА

РУДОЛЬФ
НУРЕЕВ:

«Главное для меня — это танцевать, пока силы не покинут мое тело, я буду продолжать танцевать — до последнего момента, до последнего вдоха.»

ДЖОЗЕФ

Одна
из глав
книги

Леди Катрина Дэйл пришла в баптистскую церковь до восхода. Вот она сидит на скамейке и молится о своем. Может быть, ей не спалось этой ночью, как и мне...

— Становилось все хуже и дрожало. Что мне сулит завтра? Да и есть ли у меня сегодня!

Я знаю, она родилась со светлой головой. Так говорят вокруг. Но у нее есть и еще один «божий дар»: к ней всегда тянулись чистые и светлые души. Чему-чему, а вот такому не научишься», — вздохнул я.

Да, ей везло. Она умела встречать особые люди. Уже с детства ее находили безошибочно. Молодость она подарила монастырю. После университета долго учила детей. За муж вышла в пятьдесят, похоронила мужа в семьдесят пять. Последние девять лет, я знаю, она жила одиноко.

Вот и здесь леди Катрина размышляет о своей жизни с улыбкой. Она все успела. Да, у нее было отменное здоровье. Ей только в одном не повезло. Только для детей своих было поздравление в медовый месяц, а поэтому девственница не родила, хотя мужу было шестьдесят. Она знала, что счастье материнства ее обошло. Я вижу, как ее глаза обвели церковный сад.

Да, для детей было поздно. А сейчас в эти ранние часы дети... спят. Катрина тихо кормит птиц и улыбается своим мыслям. «Да, у меня славная судьба. Хорошая и добродетельная дорога к Богу!»

Зачем она посмотрела со стороны, смутившись своих слов? Старо-чала и слегка вздохнула, достав кружевной платок.

— Но кто же это так рано? И уже идет к церкви? За свою долгую жизнь я не видела никого здесь, да еще в это время. Разве я пропустила, как городские часы пробили пять тридцать утра? — спрашивает она меня, пытаясь приласкать и разговаривать.

Катрина придирчиво приглядывается ко мне. Я ей пригнулся, я чувствую это.

— У тебя спокойные черты лица. Нет, ты не британец; у нас не такие курчавые волосы. А какого цвета у тебя глаза... — начала она расспросить. В ней как бы вновь ожила давно забытая в «себе» женщина. Незнакомое любопытство подняло ее с места, и она назойливо знакомится.

— В моем возрасте нет ничего зазорного расспросить мужчину, — улыбнулась она мне на мое приветствие.

Мы сели рядом. Ее догадка подтвердилась: я не из здешнего Арми-дэла.

Здесь никто не встает навстречу, когда женщина приветствует джентльмена! Теплота моих чувств к ней

— Я уже два дня здесь, в Арми-дэле, — начал я. — Здесь... забияки-воробы, теплое небо и много цветов. А вот этот Кафедральный парк покорила мое сердце. Это самое красивое... красивое, что я видел в жизни! — не выдержал напряжения я первый.

— А я старожил и прожила здесь свой век. Мне восемьдесят второй, — зарумянилась она от чувства симпатии ко мне, надеясь, что толстый слой пудры скроет от меня утраченные два года.

— Это место можно любить. Я бы тоже хотел прожить здесь всю жизнь, — вздохнул я задумчиво.

Она подняла несмело на меня глаза, забыв о своих нервных руках. Она начала слегка узнавать во мне друга. Я в ответ стал рассматривать ее. Она безошибочно чувствовала на себе мой скрупулезный взгляд. Ей не нужны были очки из радиоло-ля — она давно видела все и без них... моими глазами.

— Ты думаешь, что я сурова? — ревниво и неожиданно спросила она, не веря своей дерзости.

Леди Катрина отдавала себе отчет, что чудовищно нарушает дамский этикет. Подобная смелость была ей незнакома. «Неужели и я стала такой, как эти старые дуры вокруг меня? Совсем рехнулась!» — шептала она про себя.

— Нет, нет! Просто у вас отрывистые фразы и долгие паузы между словами. А... голос... Что уж там, ваш голос довольно твердый. Да, у вас, конечно, напористый говор. Но суровость? Нет, у вас и в помине такого нет, — улыбнулся я, беззастенчиво лукавя.

— Да, юноша, вы правы! Это от одиночества — подтвердила она, покачивая головой в такт моим словам.

Узнав, что мне негде остановиться, кроме как у друзей-пьяниц.

— Слушай, дорогой мой странник, оставайся у меня в доме. У меня тихо, как в этом парке. Я живу с моим другом Скраффи, и он... он не человек. Мы с одного года рождения, — захохотала она волшебным смехом, который рассыпался стеклярусом среди шестеста лиственниц.

Она срезала меня этим звонким голосом и своим добродушием. Ведь я даже не спрашивал об этом. Более того, я даже не думал о жизни... в ее доме.

— Отдельно? Или вместе? Где я буду...

— Выбирай любую из шести комнат, — ответила она, встав в полный рост и предлагая следовать за собой.

Я безмерно поблагодарил ее и пообещал без обиняков перебраться к вечеру. А пока, пока мы больше ни

звали раоту и жесткую мигрень.

— Ты это... серьезно?

— Да, — опустила голову, всхлипнула я. Мои плечи дрожали. Она не узнала меня. Я был убитый горем мужчина. Это не ее Руди, а содомит, совершивший страшный и постыдный поступок против ее баптистской церкви.

— И как давно у тебя эта... болезнь? — спросила она холодно.

— Первый раз... вчера, — зарлакал я от стыда, закрыв лицо как от пощечины... за ложь, что могла спасти меня.

Я боялся подойти и сесть рядом. Я говорил с ней из одного угла гостиной в другой, где она возвышалась в отцовском кресле, поглаживая болонку Скраффи.

— Я буду молиться... за тебя и твоего чилища Джозефа, — зашептала она, открывая Библию. Ее бледное лицо налилось воском.

Я закрыл глаза руками и убежал. Мы никогда не говорили о нем больше. Все встало на свои обычные места.

Каждый день я возвращался с прогулки в одно и то же время. Она проверяла меня по своим старым часам. Она молилась всем святым о прощении меня за мой блуд. Мой же друг уехал в тропический Кэрнс и никогда больше не приходил в наш дом... снова.

По субботам и воскресеньям мы, как всегда, брали такси до баптистской церкви. Я подметила мою измену Марии. Она не шед и Пресвятой Матери Христа. Я молился Святому Давиду и Святому Джона-тану...

Леди Катрина все поняла. Эти страдания стали ближе мне после расставания с Джозефом. Да неужели библейская история о ларнцах верна? Она стала настоящим спрашивать себя опять и опять.

Странные мысли о запрете любви между мужчинами наконец изурядили ее разум. Все эти басни об Оскаре Уайльде! Сплетни о гомосексуализме единственного лауреата Нобелевской премии по литературе в Австралии... Патрика Уайта!

«Как странно... все это. Неужели я должна их сечь, резать и жечь? Не печатать их шедевры! Иными словами, не переводить их открытия на другие языки и, наконец, ни в кои веки не давать им хода... как национал-социалисты в геббельсовской Германии!»

Скорее я уехал к себе в Лондон. Она так и не открыла моего... имени. Я не был для нее Нуреевым. Она никогда не ходила в оперу и балет, живя в своем провинциальном городке на краю света в Австралии.

Юрий Матвеевич много лет задумывался над тем, как уехать из Австралии, живя с женой и детьми в Австралии, занимается молекулярной биологией, опубликовал более 150 научных работ. Однако в редакцию нашей газеты он пришел, чтобы показать главы из своей книги «Без макиажа», которая написана по 49 письмам Нуреева к самым разным людям и личностям встречам автора с одним из самых знаменитых танцоров двадцатого века. Эта книга уже вышла в Австралии, а сейчас ведутся переговоры об издании перевода (выполненного, кстати, тоже Юрием Рюнто) в России.

— Как к вам попали письма Рудольфа Нуреева?

— Это очень странная и длинная история.

Большую часть жизни я не помню ни о писательстве, ни о Нурееве, занимался исключительно наукой. Но жизнь распорядилась иначе. Несколько лет я ходил смотреть на закат солнца. У нас в Австралии пруды, как у нас в Павловске... Года три я сидел на одной и той же скамейке с совершенно неизвестным человеком, который, вероятно, тоже приходил посмотреть на закат. Это в лучших англосаксонских традициях: сидеть молча и не разговаривать. Кроме того, этот человек был намного старше меня... А познакомились мы лишь в 83-м году.

В это время моей дочерью исполнилось шесть лет, и я написал для нее сказку. Своё первое литературное произведение я отослал в Канаду, где книга была издана, а затем выдержала несколько переизданий. И вот я получил авторский экземпляр своей сказки и сразу побежал на любимую скамейку: хотелось посмотреть книгу одному. Я даже дочери ничего не сказал. Только я открыл сказку, мой сосед заговорил:

— Дай почитать.

— Не дам, — ответил я, — Поскольку сам еще не читал.

— А ты что так волнуешься — автор, что ли?

— Да, автор.

— Тогда тем более дай почитать.

Так я остался без книги, практически на нее не взглянув. Мой новый знакомый исчез, даже не сказав, как его зовут. На следующий день я был на том же месте на час раньше обычного срока и думал, а вдруг не придет? Однако этот человек появился, похвалил книгу, и я тут же начал читать.

— А ты знаешь, кто тебя хвалит? — спросил он.

— Кто?

— Меня зовут Патрик.

Я никак не отреагировал. Тогда он представился еще раз:

— Патрик Уайт, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Потом еще несколько лет мы продолжали вместе смотреть на закат, общались, он даже учил меня писать. Мы занимались каждую

днем: к нему, к Фредди Меркьюри, к Элтону Джону, Джорджу Оруэллу и другим. Письма эти самый именитый писатель Австралии принес мне на следующий день в носовом платке и посоветовал держать их в банке, так как каждое стоит от 10 до 50 тысяч долларов.

Остальные письма и рукописи он передал в Национальную Библиотеку, где есть специальный фонд единственного в Австралии Нобелевского лауреата по литературе. Эти же считал необходимым передать русскому. И попросил меня по этим письмам написать книгу.

Вскоре Патрик Уайт умер, а письма продолжали лежать у меня на полке. Ни в какой сейф я их не положил, да и вообще отнесся к ним не так, как они того заслуживали. Однако после смерти Патрика я позвонил в Нью-Йорк Рудольфу Нурееву, чтобы сказать о случившемся и о судьбе писем.

— И каким же был этот разговор? — Знаете, что я услышал в первую очередь? Жуткую брань. Единственное, что можно привести из сказанного: «КГБ воюет...». Я позвонил трубку и не стал слушать. Через несколько минут перезвонил и начал говорить по-английски. Нуреев выслушал меня и сказал: «Извини. Я просто такой человек... Ты знаешь, что я татарин и самый богатый человек в мире после Чингисхана. Ну вот такой я. Давай забудем об этом...»

— Но вы все-таки встретились с ним...

— Да. Когда Нуреев, уже после смерти Патрика, получил письмо, в котором сказано, что письма у меня, Нуреев перезвонил мне и пригласил в гости. Я приехал в Нью-Йорк. У Нуреева я познакомился с Элтоном Джоном, Фредди Меркьюри. Я увидел коллекцию Рембрандта, рисунки Леонардо да Винчи... Тогда же я показал ему один из фрагментов будущей книги, мы подробно говорили, о чем будет эта книга. Возможно, о том, что не животные инстинкты правят человеком, а нечто совсем иное. Ведь что написано в письмах: «Я встретил такого-то, я с ним переспал, я оставил ему свой телефон...». Письмо закончено. А как передать то, что чувствует человек, словами выразить ощущение отчужденности и одиночества? Кстати, когда Руди прочитал одну из глав, он сказал: «Я никогда не думал, что эти чувства можно передать словами».

Работу над этой книгой я закончил после смерти Рудольфа Нуреева, и она была напечатана. Потом очень долго делал перевод на русский, довольно много времени провел здесь и надеюсь, что книга выйдет и в России. Сейчас два московских издательства: «Прогресс» и АПН готовы ее печатать.

— Юрий Матвеевич, эта книга написана на английском и рассчитана на определенную аудиторию. Как она, на ваш взгляд?

«Голубая тема», очень популярная тема сегодня в России. Я, правда, пока не понимаю, почему она столь популярна, но это факт.

— А на Западе сейчас очень популярна тема борьбы со СПИДом. Это не вызвало никаких проблем или протестов в ходе издания?

— На этот вопрос могу вам ответить как учёный. СПИД — не современное изобретение. Дело в том, что вирусы, как кристаллы, растут с определенной скоростью. И исследования, проведенные с помощью самой совершенной техники, показали, что СПИД появился ни много ни мало как в 1911—1914 годах. И болезнь эта не сексуальной природы. Медицина выпустила джинна из бутылки. Массовые переливания крови привели к тому, что люди чудовищно заражены. Нужно быть сумасшедшим, чтобы сказать, что 50 миллионов зараженных — «голубые».

— Однако скандальная слава этой книге, да и ее автору в России все равно обеспечены. Отчасти потому, что скандальная слава в той или иной степени сопровождала практически всю жизнь большую часть героев книги, отчасти из-за того, что «голубая тема» в нашей стране действительно неотделима от скандала.

Правда, и сам автор, возможно невольно, провоцирует скандал. В разных российских средствах массовой информации фигурируют различные издательства, в которых «выходит книга», да и материал уже используется для пропаганды тех или иных политических взглядов. Достаточно сказать, что одно из первых сообщений о книге появилось в газете «Завтра», которая так интерпретировала взгляды автора книги и, зная, Рудольфа Нуреева [сначала Юрий Рюнто предложил свое произведение издательству «Палеза». Позже он от этой идеи отказался]: «Парадоксально, но факт. Руди Нуреев уважал гомосексуалистов за то, что они так возвысили балет «Лебединое озеро», самый любимый его балет». В беседе с корреспондентом «Смены» Юрий Матвеевич сказал: «Они так написали... Бог им судья...».

Кроме того, кого-то ждет разочарование: ведь о книге нет непосредственно писем. В ней лишь то, что «увидел» автор за их страницами, личная интерпретация событий [да еще и в переводе]. Как говорит Юрий Матвеевич, это «кнематифицированная тень Рудольфа Нуреева».

Правда, до скандала еще далеко. И прогноз будет оправданным, если книга в России действительно выйдет. А пока мы предлагаем вам главу из книги Юрия Рюнто «Без макиажа», предоставленную автором специально для публикации в газете «Смена».

Беседовала
Алиса ЛИСИЦИНА

«Главное для меня — это танцевать, пока силы продолжат танцевать — до последнего момента, до последнего вдоха.»

Одна из глав книги

Леди Катрина Дэлл пришла в баптистскую церковь до восхода. Вот она сидит на скамейке и молится о своем. Может быть, ей не спалось этой ночью, как и мне...
— Становилось все хуже и хуже — что мне сулит завтра? Да и есть ли у меня сегодня?!
Я знаю, она родилась со светлой головой. Так говорят вокруг. Но у нее есть и еще один «божий дар»: к ней всегда тянулись чистые и светлые души. «Чему-чему, а вот такому не научишься», — вздохнул я.
Да, ей везло. Она умела встречать особых людей. Уже с детства ее находили безобидно. Молодость она подарила монастырю. После университетского долго учила детей. Муж вышел в пятьдесят, похоронил мужа в семьдесят пять. Последние девять лет, я знаю, она жила одиноко.

Вот и здесь леди Катрина размышляет о своей жизни с улыбкой. Она все успела. Да, у нее было отличное здоровье. Ей только в одном не повезло. Только для детей своих было поздравлено в медовый месяц, а поэтому девственница не родила, хотя мужу было шестьдесят. Она знала, что счастье материнства ее обошло. Я вижу, как ее глаза обвели церковный сад.
Да, для детей было поздно. А сейчас в эти ранние часы дети... спят. Катрина тихо кормит птиц и улыбается своим мыслям. «Да, у меня славная судьба. Хорошая и добросердечная дорога к Богу!»

Зачем она посмотрела по сторонам, смутившись своих слов? Замолачала и слегка вздохнула, достав кружевной платок.
— Но кто же это так рано? И уже идет к церкви? За свою долгую жизнь я не видела никого здесь, да еще в это время. Разве я прослушала, как городские часы пробили пять тридцать утра? — спрашивает она меня, пытаясь прилечь и разговаривать.

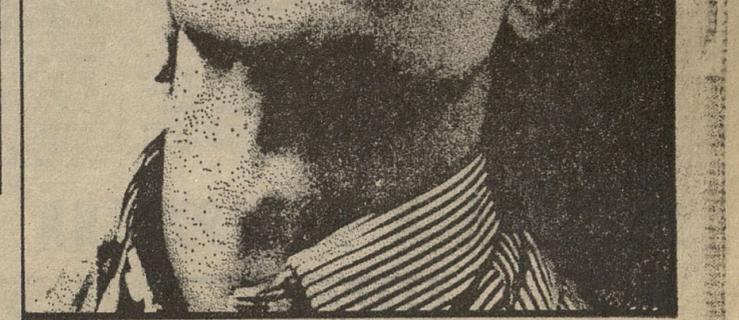
Катрина придирчиво приглядывается ко мне. Я ей пригнулся, я чувствую это.
— У тебя спокойные черты лица. Нет, ты не британец; у нас не такие курчавые волосы. А какого цвета у тебя глаза... — начала она расспросить. В ней как бы вновь оживала давно забытая в «себе» женщина. Незнакомое любопытство подняло ее с места, и она назойливо знакомится.
— В моем возрасте нет ничего зазорного расспросить мужчину, — улыбнулась она мне на мое приветствие.

Мы сели рядом. Ее догадка подтвердилась: я не из здешнего Армидала.
Здесь никто не встает навстречу, когда женщина приветствует джентльмена! Тепло моих чувств к ней ее очень взволновала.
— У тебя зеленые глаза! Я все же их высмотрела, разве не так? — говорит она твердым голосом, вытирает края губ.

Природная сухость голоса не идет ей. Она не может допустить даже случайного жеста, который способен вызвать нелепое вольнодумство о ней. Она всегда остается неприступной леди. Непременно гордой австралийской леди. С архaisкими британскими корнями из далекой Индии. Однако почему екнуло ее сердце? «Его улыбка, добродушный голос... так знакомы». Она не поняла, что это... с ней... опять? Просто я был копией одного из тех ее забытых друзей, что видела она между первой и второй мировыми войнами.

Да, конечно, она знала этого взломачивного парня! И сын ли он ее британца-одноклассника Джона?
— Руди, — назвался я, пожелав ей доброго утра.
Она как бы и не слышала моих слов. Она задумалась о своей утрате, ведь ее избранник Джон не вернулся из Галлиполи... в 1915-м.
Мы сидим молча. Я не начинаю разговор снова. Она тоже не знает, что сказать. Назвать же свое знаменитое имя — это уже чересчур! Нет, она так и не назвала себя. Все, что мне было открыто... Это Катрина Дэлл из Новой Англии.

Да, она оставалась классической леди из далекого Викторианского века. Этот странный век жил в ней. Он дышал в морщинах ее подбородка и напухших щеках. Она сидела близко, но не могла приблизиться к... встречному. Она молчала... с прохожим, каким был я.

— Я уже два дня здесь, в Армидале, — начал я. — Здесь... забияки-воробьи, теплое небо и много цветов. А вот этот Кафедральный парк покорило мое сердце. Это самое красивое... красивое, что я видел в жизни! — не выдержал напряжения я первый.
— А я старожил и прожила здесь свой век. Мне восемьдесят второй, — зарумянилась она от чувства симпатии ко мне, надеясь, что толстый слой пудры скроет от меня утаивные два года.

— Это место можно любить. Я бы тоже хотел прожить здесь всю жизнь, — вздохнул я задумчиво, глядя, как пчела села на ее платье.
Она подняла несмело на меня глаза, забыв о своих нервных руках. Она начала слегка узнавать во мне друга. Я в ответ стал рассматривать ее. Она безошибочно чувствовала на себе мой скрупулезный взгляд. Ей не нужны были очки из ридишюла — она давно видела все и без них... моими глазами.
— Ты думаешь, что я суровая? — ревниво и неожиданно спросила она, не веря своей дерзости.

Леди Катрина отдавала себе отчет, что чудовищно нарушает дамский этикет. Подобная смелость была ей незнакома. «Неужели и я стала такой, как эти старые дуры вокруг меня? Совсем рехнулась!» — шептала она про себя.

— Нет, нет! Просто у вас отрывистые фразы и долгие паузы между... словами. А... голос!... Что уж там, ваш голос довольно твердый. Да, у вас, конечно, непорочный говор. Но суровость? Нет, у вас и в помине такого нет, — улыбнулся я, беззастенчиво лукавя.
— Да, юноша, вы правы! Это от одиночества — подтвердила она, помахивая головой в такт своим словам.

Узнав, что мне негде остановиться, кроме как у друзей-пьяниц.
— Слушай, дорогой мой странник, оставаясь у меня в доме. У меня тихо, как в этом парке. Я живу с моим другом Скраффом, и он... он не человек. Мы с одного года рождения, — захотела она волшебным смехом, который рассыпался стеклярусом среди шельста лиственниц.
Она сшила меня этим звонким голосом и своим добродушием. Ведь я даже не спрашивал об этом. Более того, я даже не думал о жизни... в ее доме.

— Отдельно? Или вместе? Где я буду...
— Выбирай любую из шести комнат, — ответила она, встав в полный рост и предлагая следовать за собой.
Я любезно поблагодарил ее и пообещал без обиняков переехать к вечеру. А пока, пока мы больше ни о чем не говорили. Мы встали и пошли молча по аллеям, слушая птиц, смеясь забавным и взявшимся неизвестно откуда опоссумам.
Мы вздрогнули, когда за нашей спиной взорвалась шина у одной из лихих машин. Потом мы кормили драчливых белок. Позднее, когда около десяти часов открыли церковь, мы, не сговариваясь, разошлись к разным святым: я — к Божьей Матери Марии, а она — к Апостолу Петру.

С утра я взял заботы по дому на себя. Кухня, походы в магазины, аптечные дела... легли на мои плечи. Однажды вечером ко мне зашел гость. Она заметила, что в визите было что-то не так. Точнее, было как-то настолько тихо. Мы говорили шепотом, не отвлекая ее от складывания пасьянса.
Леди Катрина решила пораньше лечь спать, видя, что чем-то смущает меня и его. Она не раз вставала и выходила во двор. «В доме что-то не так...» — подсаживало ее сердце.

Утром за чаем я повинился ей, обняв кротко за плечи... моего друга.
— Я не могу врать, моя Катрина. Я должен сознаться. У меня большой грех перед вами, леди Дэлл, — отошел я к окну.
— В чем? — спросила она тихо-тихо, готовясь к неприятности.
— Я спал... У нас был интеркорс с Джозефом в вашем доме, — сказал я с горечью в голосе.
Она ничего не поняла. Ей не могло прийти в голову отреагировать так, как это сделала моя мать после такого же признания давним-давно в России: у нее тогда мои слова вы-

звали рвоту и жесткую мигрень.
— Ты это... серьезно?
— Да, — опустила голову, вслипла она.

Мои плечи дрожали. Она не узнала меня. Я был убитый горем мужчиной. Это не ее Руди, а содомит, совершивший страшный и постыдный поступок против ее баптистской церкви.
— И как давно у тебя эта... болезнь? — спросила она холодно.

— Первый раз... вчера, — зарлакал я от стыда, закрыв лицо как от пощечины... за ложь, что могла спасти меня.

Я боялся подойти и сесть рядом. Я говорил с ней из одного угла гостиной в другой, где она возвышалась в отцовском кресле, поглаживая болонку Скраффа.

— Я буду молиться... за тебя и твоего чиллийца Джозефа, — зашептала она, открывая Библию. Ее бледное лицо налилось воском.
Я закрыл глаза руками и убежал. Мы никогда не говорили о нем больше. Все встало на свои обычные места.

Каждый день я возвращался с прогулки в одно и то же время. Она проверяла меня по своим старым часам. Она молилась сама, с молитвой о прощении меня за мой блуд. Мой же друг уехал в тропический Карнс и никогда больше не приходил в наш дом... снова.

По субботам и воскресеньям мы, как всегда, брали такси до баптистской церкви. Она подметала мою измену Марии. Я уже не шел к Пресвятой Матери Христа. Я молился Святому Давиду и Святому Джонатану...

Леди Катрина все поняла. Эти страдания стали ближе мне после расставания с Джозефом. Да, неужели библейская история о парнях верна? Она стала настойчиво спрашивать себя опять и опять. Странные мысли о запрете любви между мужчинами вконец изнуряли ее разум. Все эти басни об Оскаре Уайльде! Сплетни о гомосексуализме единственного лауреата Нобелевской премии по литературе в Австралии... Патрика Уайта!

«Как странно... все это. Неужели я должна их слыть, резать и жечь? Не печатать их шедевры? Иными словами, не переводить их открытия на другие языки и, наконец, ни в кои веки не давать им хода... как национал-социалисты в геббельсовской Германии?»

Вскоре я уехал к себе в Лондон. Она так и не открыла моего... имени. Я не был для нее Нуреевым. Она никогда не ходила в оперу и балет, живя в своем провинциальном городке на краю света в Австралии.
Шли письма, которые исправно пересылал ко мне... чилец из Кейнслендского университета.

Вот одно из них:
«Время шло и шло. Я задумчиво драмала в своем стариковском кресле. Нет! Нет! Нет! — шептала я сквозь сон. Бог — все живое! Благослови, Дева Мария, все дышащее на земле. Разве мы не бережем тропических бабочек, змей и птиц? Почему же тогда мы должны со злобой раздавить все необычное и не похожее на наше святое христианство! Нет, мы... тогда против Бога, запрета убивать ближнего...»
Храни, Христос, радость жизни во всех ее проявлениях и свете. Ведь за всем стоит неизвестный нам и все же Божий Промысел. О Джонатан и Давид! Великий Бог! Храни святость жизни, какая она есть в Поднебесной, Вселенной или Космосе.

Я благословляю тебя, Руди! «Я готова взять все твои грешные мысли и дела с собой на небо», — в один день сказала я Богу и облегченно пошеловала Библию. Здесь я по-детски захотела и протянула руки навстречу небу. Святые Джонатан и Давид улыбнулись в ответ: «Мы с тобой, дорогая Катрина. Мы любим вас всех! Вот мы и дождались тебя, наша радость!»

Леди Катрина Дэлл умерла одиннадцатого декабря тысяча девятьсот девяностого года после Рождества Христова. Она похоронена на баптистском кладбище в Армидале (Новый Южный Уэльс, Австралия).
Мой друг положил корзину с черными розами к ее могиле после отпевания ее тела в родном городке, где она прожила еще два года после нашей первой встречи.